

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Л 590

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1999

Седьмой выпуск «Новгородского исторического сборника» продолжает знакомить читателей с проблемами социальной и политической истории Новгорода от раннего средневековья до событий недавнего времени. Как всегда, большое место в нем занимают материалы по истории духовной культуры — важнейшей стороны общественной жизни древнего Новгорода. Особенностью настоящего издания является включение в него мемориальной части, неизданных или забытых трудов историков и искусствоведов, научная деятельность которых была тесно связана с Новгородом.

Редакционная коллегия:

Б. В. Ананьич, Э. А. Гордиенко (*отв. секретарь*), Н. Н. Гринев,
В. Ю. Черняев, В. А. Шишкин, В. Л. Янин (*отв. редактор*)

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

7 (17)

*Утверждено к печати С.-Петербургским филиалом
Института российской истории Российской Академии наук*

Редактор издательства *И. П. Палкина*. Технический редактор *Н. Ф. Соколова*.
Корректор *К. Д. Буланина*.

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Сдано в набор 29.05.98. Подписано к печати 5.02.99. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 750. Зак № 3013

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 98-01-16258*

ISBN 5-86007-157-4

- © Коллектив авторов, 1999
- © Институт Российской истории РАН
Санкт-Петербургский филиал, 1999
- © Новгородский государственный
объединенный музей-заповедник, 1999
- © «Дмитрий Буланин», 1999

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Я. Конецкий, К. Г. Самойлов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Формирующаяся раннесредневековая городская культура Древней Руси представляла собой сложное явление, сочетающее в себе, с одной стороны, широкий спектр новаций, а с другой — традиционные компоненты. Выявление и рассмотрение истоков каждого из этих элементов, механизмов их возникновения и функционирования, проблемы, связанные с принятием или неприятием нового, последующей его адаптацией или, в конечном счете, отторжением, представляют значительный интерес как для культурологии в целом, так и для изучения становления национальных культур. При этом не вызывает сомнения, что каждое новое обращение к уже известным материалам, происходящее в изменившемся научном контексте, дает весьма неожиданные и яркие результаты.

Среди уникальных находок, происходящих из Новгорода, достаточно хорошо известных исследователям и фигурирующих в целом ряде популярных работ, выделяются так называемые «дубовые резные колонны». Они были найдены в 1953 г. на территории усадьбы «А» Неревского раскопа. Попадание «колонн» в культурный слой было связано с их вторичным использованием. Относительно места их находки в литературе представлены несоответствующие данные. А. В. Арциховский, первый руководитель Новгородской археологической экспедиции и публикатор этих материалов,¹ сообщал, что «колонны» «вместе с обрубками бревен были употреблены на замощение двора позднейшего дома».² П. И. Засурцев совершенно определенно писал об их нахождении «среди обрубков бревен, использованных на подкладки», на которых стоял дом.³ Б. А. Колчин в работе, посвященной топографии Неревского раскопа, описывает находки как служившие «опорными плахами пола».⁴ Наиболее де-

¹ Арциховский А. В. Колонна из новгородских раскопок // ВМУ. 1954. № 4. С. 65—68; то же: МИА. 1969. № 169. С. 16—21 (далее ссылки даются на это издание).

² Там же. С. 16.

³ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 98.

⁴ Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. 1956. № 55. С. 100.

тальное описание Б. А. Колчин приводит в своде новгородского резного дерева. Для одной из «колонн» он указывает использование «в качестве плахи под венец дома», для второй упоминается лишь «вторичное залегание».⁵ Как обстояло дело в действительности, ответить затруднительно, но, думается, эти противоречия не так уж важны. Судя по ссылкам на номера конкретных квадратов, приводимым Б. А. Колчиным, речь идет о квадратах № 138 и № 139, первый из которых по диагонали пересекается стеной дома, а второй находится вне постройки и касается ее лишь северно-западным углом. Таким образом, связь «колонн» со стеной постройки представляется достаточно убедительной, и это обстоятельство крайне важно для обоснования их датировки.

Судя по данным археологического паспорта, сообщаемым Б. А. Колчиным,⁶ «колонны» были отнесены к 21-му ярусу (20-й пласт) Неревского раскопа, который по шкале дендрохронологии Новгорода относится к концу XI в. Приводимая ранее А. В. Арциховским более ранняя дата (середина XI в.) относится к периоду до разработки дендрохронологической методики.

Достаточно дискуссионным является и вопрос о форме и размерах находок. По А. В. Арциховскому, «от обеих колонн уцелели полуколонны, обрубленные по вертикальной оси».⁷ Б. А. Колчин, считая первоначальным полукруглое сечение, писал о сохранившейся части как о «четверти столба».⁸ Согласно версии А. В. Арциховского и Б. А. Колчина, длина одной из них — 80 см при диаметре, равном 51 см, второй соответственно 1 м 11 см и 59 см. По сведениям, приведенным П. И. Засурцевым, колонны «диаметром около 21 см сохранились на длину 1,5—1,7 м».⁹ Натурные обмеры, произведенные в фондах НГОМЗ, дали следующие результаты: оба фрагмента почти равны по длине (соответственно 119 и 128 см). Современное состояние колонн из-за деформации в процессе археологизации и последующего хранения не позволяет с уверенностью говорить об их изначальной форме и первичном диаметре сечения. Но, вне всякого сомнения, о «четверти столба» речь идти не может.

Уникальность этих находок, прежде всего, объяснялась наличием на них богатого резного орнамента. Верхняя часть первой колонны украшена узорчатой композицией, выполненной в технике плоско-рельефной резьбы и изображающей «стилизованное дерево — огромную узорную пальметту. От пальметты в стороны отходят геометризованные ветви, завершающиеся S-видными завитками» (рис. 1, 2). Вторая колонна сплошь украшена плетеным орнаментом, «образующим в центральной части столба два круглых клейма. В клеймах вырезаны грифон с телом барса и кентавр, тоже с телом барса, держащий в руках свой хвост, расцветший в плетенку. Изображения в клеймах сохранились лишь наполовину, левая лицевая сторона отколота... Вдоль всей правой сохранившейся части орнамента проходит край рисунка, окаймленный бортиком» (рис. 1, 1).¹⁰

⁵ Колчин Б. А. Новгородские древности: Резное дерево. М., 1971. С. 24—25.

⁶ Там же.

⁷ Арциховский Б. А. Колонна... С. 16.

⁸ Колчин Б. А. Новгородские древности. С. 24.

⁹ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. С. 98.

¹⁰ Колчин Б. А. Новгородские древности... С. 24—25.

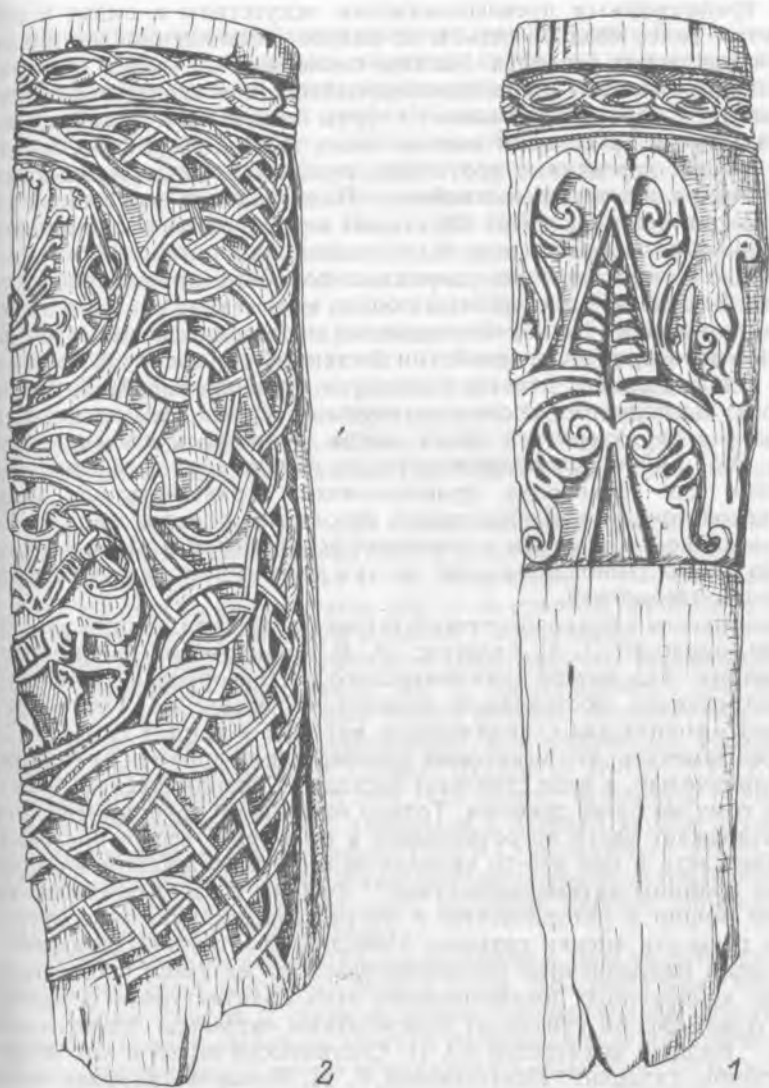

Рис. 1. Новгородские деревянные «колонны» (с элементами реконструкции — 1, 1; по А. В. Арциховскому).

Это говорит о том, что орнаментация распространялась не на всю поверхность окружности «колонны». Оба объекта сверху завершаются фризом из переплетающихся лент.

В научной интерпретации этих находок изначально наметились два основных направления. Первое — анализ стилистического характера орнамента и определение его места в истории русского декоративного искусства. А. В. Арциховский связывал этот стиль резь-

бы с традиционным древнеславянским искусством и видел в нем прототип более поздней резьбы по камню, воплощенной во владими́ро-суздальских рельефах. Касаясь последних, он писал: «Многие ученые приписывают им западноевропейское или кавказское происхождение, не обращая внимания на черты их местного своеобразия... Высказанное в археологии мнение, что у каменных русских зверей были русские деревянные прототипы, нуждалось в подтверждениях. Теперь такое подтверждение найдено. Новгородский деревянный рельеф по крайней мере лет на 200 старше юрьево-польских каменных. Деревянная резьба этого рода была, надо полагать, общерусской».¹¹

Сейчас можно, конечно, удивляться подобной прямолинейности оценок. В наше время подобный подход может вызвать лишь недоумение, поскольку любой непредвзятый исследователь не может не видеть северо-европейские аналогии плетеному орнаменту на «колоннах», а далматские и польские аналогии, приводимые А. В. Арциховским, выглядят безусловно натянутыми. Однако мы не должны забывать о характере той эпохи, когда началось изучение «колонн». В 50—60-е годы возможности для поиска аналогий этим уникальным для Новгорода произведениям ограничивались лишь славянской почвой, что объяснялось абсолютным господством антинорманистской концепции в советской историографии. Не надо напоминать, что данное положение жестко детерминировалось господствующей идеологией.

Любопытный психологический штрих, характеризующий эту ситуацию, приводит Д. А. Авдусин: «А. В. Арциховский неоднократно говорил, что ничего скандинавского в Новгороде нет, что его создали славяне, составившие древнейшее население. Он боялся большого количества скандинавских находок в ранних слоях... Он не хотел замечать, что некоторые древнерусские орнаменты (например, городчатый, в виде ступенек) восходят к скандинавским образцам, к тому же более древним. Только наедине он говорил мне, что его раздражает часто встречающаяся в орнаменте вещей плетенка. „Все-таки есть в ней что-то скандинавское“. В варяжском вопросе он был крайним антинорманистом».¹² Выводы А. В. Арциховского широко вошли в историческую и искусствоведческую литературу, долгие годы эти оценки казались очевидными и окончательными.

Вторым направлением исследовательского интереса было определение конкретного предназначения этих архитектурных деталей. А. В. Арциховский считал их фрагментами «крыльца деревянного дома».¹³ Видный архитектор Ю. П. Спегальский видел в них опорные столбы галереи.¹⁴ Искусствовед Г. Н. Бочаров связывал их с центральными столбами какой-то парадной светской постройки, например гридницы.¹⁵ Оригинальную мысль высказал археолог П. И. Засурцев, гипотетически допустив, что эти предметы являются деталями деревянного Софийского собора, построенного сразу после крещения Новгорода и сгоревшего спустя 60 лет, в 1049 г.

¹¹ Арциховский А. В. Колонна... С. 21.

¹² Авдусин Д. А. А. В. Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 29—30.

¹³ Арциховский А. В. Колонна... С. 16.

¹⁴ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972. С. 172.

¹⁵ Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 175—176.

Осторожность исследователя понятна: ведь дубовая София «о тринадцати верхах» находилась чересчур далеко от места находки колонн и, кроме того, «сгорела приблизительно за 30 лет до того, как они попали в культурный слой».¹⁶ Близкого мнения придерживался Б. А. Колчин, хотя также использовал обтекаемые формулировки.¹⁷

Развивая мысль о связи «колонн» с остатками церкви, академик В. Л. Янин высказал ряд конструктивных предположений. По его мнению, события крещения Новгорода (989 г.) отразились в так называемой Иоакимовской летописи, дошедшей до нас в переложении В. Н. Татищева. Помимо многих красочных подробностей, там сообщается, что восставшие язычники «церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху». После крещения эта церковь была восстановлена. В. Л. Янин локализовал ее на месте одноименной каменной, построенной в 1421 г. и находящейся более чем в ста метрах от Неревского раскопа. По его мнению, рассматриваемые «колонны» — именно от этого храма: после очередного обновления оставшийся материал мог быть использован на хозяйственные нужды.¹⁸

Первой работой, в которой «колонны» были рассмотрены в более широком культурном контексте, включающем и североевропейские традиции, стала статья И. Н. Кудрявцева.¹⁹ Он в общем виде указал на достаточно широкие аналогии орнаментальным композициям на «колоннах» в резьбе древней Скандинавии. Стилистика декоративного оформления порталов средневековых деревянных церквей позволила сопоставить их с новгородскими находками. «Новгородские полуколонны», по его мнению, «находят свое истолкование в качестве принадлежности к порталному убранству... каких-то представительных хором». Исходя из этого, И. Н. Кудрявцевым был сделан вывод о том, что можно «говорить о сходстве некоторых конструктивных элементов и отделки входов представительных деревянных сооружений Руси и Скандинавии». «Речь, — пишет он, — в особенности идет об определенном родстве деревянных резных украшений двух северных регионов Европы, по-видимому, существовавшем в X и XI веках».

Существующие наработки представились нам перспективными и подтолкнули к развитию данной темы. Действительно, прав был В. Л. Янин, говоря о связи «колонн» с *близлежащей* церковью (и именно с церковью, как со зданием наиболее репрезентативным, какому, скорее всего, и могли принадлежать подобные архитектурные детали). Однако храм Спаса Преображения на Разваже находился все же далеко: вряд ли древним новгородцам казалось разумным нести расколотые обломки более чем за сто метров лишь для того, чтобы как самые обыкновенные плахи подложить под сруб. Кроме того, установленная связь «колонн» со скандинавской традицией наводила нас на мысль, что и сама церковь могла быть выстроена в

¹⁶ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. С. 98—99.

¹⁷ Колчин Б. А. Новгородские древности... С. 24.

¹⁸ Янин В. Л. День десятого века // Знания — сила. 1983. № 3. С. 17—18.

¹⁹ Кудрявцев И. Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их североевропейские аналогии // Славяно-русские древности. Вып. 2: Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 211—218.

нетрадиционной для Новгорода скандинавской строительной манере и оставаться среди прочих сооружений неопознанной.

Предпринятое в этой связи обращение к строительному ярусу, предшествующему находке «колонн» (т. е. к тому ярусу, где должна была находиться постройка, деталями которой они являлись), дало весьма неожиданный результат. Среди построек усадьбы «А» в 22-м ярусе бросаются в глаза следы загадочного сооружения 22Д, необычного как по своей конструкции, так и по ориентировке строго по линии запад—восток. Последняя резко контрастирует с расположением остальных сооружений раскопа, ориентированных в соответствии с расположением улиц (рис. 2.3).

Анализ планов усадьбы «А», как для выше-, так и для нижележащих ярусов, показал, что подобное строение с той же ориентацией, на том же самом месте и в приблизительно тех же размерах неоднократно фиксировалось и ранее, и позднее 22-го яруса.

Для наглядного анализа материала представляется целесообразным свести всю конкретную информацию о серии этих построек (обозначенных как Д) за весь период их существования. При этом мы опираемся на работы Б. А. Колчина и П. И. Засурцева, являющиеся каноническими при изучении древностей Неревского раскопа.

26-й ярус (989—1006 гг.) (рис. 2.2). Как пишет Б. А. Колчин: «В северной части усадьбы, примыкая к частоколу, расположена постройка 26Д. От нее сохранился лишь развал длинных досок, вероятно пола. Судить о характере постройки у нас нет данных».²⁰ П. И. Засурцев, сообщая, что «назначение постройки не установлено», приводит ее размеры — «приблизительно 7 × 5 м».²¹

22-й ярус (1076—1096 гг.) (рис. 2.3). Применительно к этому ярусу Б. А. Колчин дает следующее описание: «По линии квадратов 91—141 проходил частокол, к которому на территории этой усадьбы примыкала постройка 22Д. От нее сохранился лишь развал досок и отдельных бревен, и можно восстановить лишь контуры постройки. Конструкция постройки и ее назначение неясны».²² Развернутая характеристика принадлежит П. И. Засурцеву: «В северной стороне усадьбы, у самого частокола, в 22-м ярусе была сооружена постройка 22Д размером 4 × 5 м (в пределах раскопа). Восточная сторона постройки уходила за пределы раскопа. Стены постройки прослеживались с трудом. По остаткам настила можно было установить, что постройка была двухкамерной. В восточной камере доски были постланы в направлении север—юг. В западной половине, судя по сохранившейся переводине, настил шел в направлении запад—восток. В западной камере, в северо-западном углу ее, была закопана кадушка, служившая водосборником. Весьма возможно, что эта постройка имела какое-то производственное значение... Мы отнесли эту постройку к неопределенным».²³

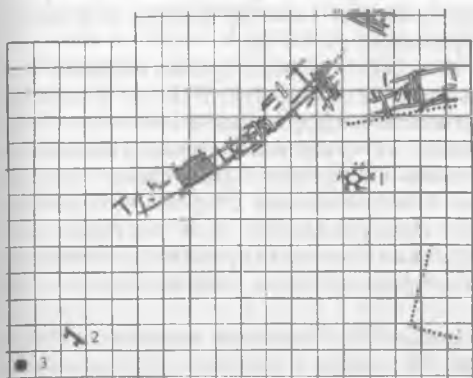
21—20-й ярусы (1906—1134 гг.) (рис. 2.4). На протяжении этого времени усадебная застройка не менялась. Относительно интересующей нас постройки (21Д) Б. А. Колчин указывает, что от нее сохра-

²⁰ Колчин Б. А. Топография... С. 111.

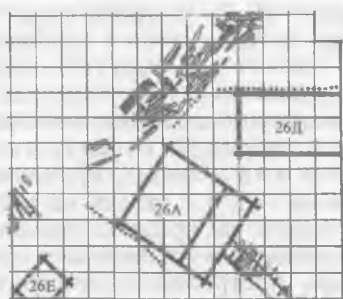
²¹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 123. С. 92.

²² Колчин Б. А. Топография... С. 106.

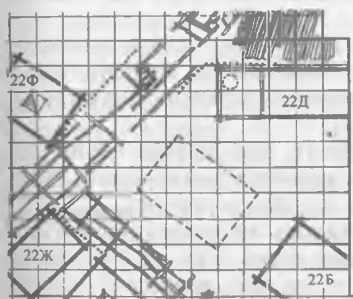
²³ Засурцев П. И. Усадьбы... С. 92—93.

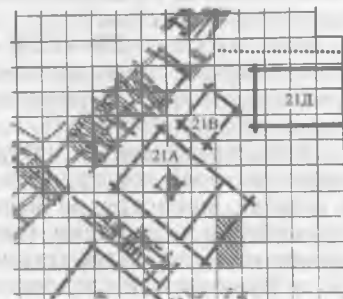
2.1. 28-й ярус

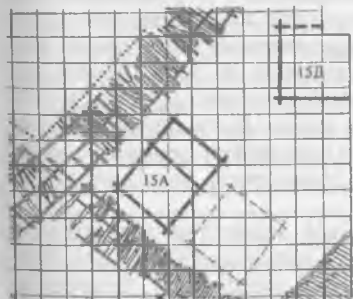
2.2. 26-й ярус

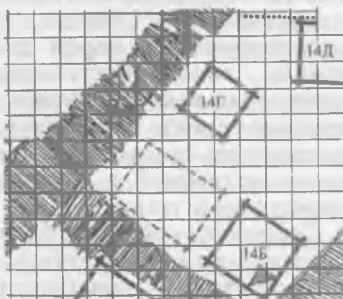
2.3. 22-й ярус

2.4. 21—20-й ярусы

2.5. 15-й ярус

2.6. 14-й ярус

Рис. 2. Планы усадьбы «А».
1 — дуб; 2 — клад монет; 3 — жертвоприношение.

нился «досчатый настил, лежавший в 2 яруса, т. е. его настилали 2 раза. Это замощение было окаймлено одним рядом бревен, не связанных между собой. Была ли эта постройка крытой, сказать трудно».²⁴ П. И. Засурцев также подчеркивает невозможность определения ее назначения и сообщает размеры (5 × 6 м).²⁵

16—17 ярус (1177—1224 гг.). Этот период существования постройки по-разному оценивается исследователями. У Б. А. Колчина какая-либо текстовая или графическая информация о ней отсутствует.²⁶ Однако П. И. Засурцев пишет: «В северной стороне усадьбы, в 17-м и 16-м ярусах, прослеживалась постройка... размером с севера на юг 3,5, а с запада на восток 4 м (восточная сторона постройки уходила за пределы раскопа)». Неслучайность этой информации подтверждается наличием на чертежах соответствующих ярусов контура постройки и лежащих перпендикулярно направлению стен остатков бревен или плах.²⁷

15-й ярус (1224—1238 гг.) (рис. 2.5). Наиболее полную информацию приводит П. И. Засурцев: «В северо-восточном углу усадьбы располагался сруб А15Д невыясненного назначения. Ширина его 5,5 м, длина (в пределах раскопа) 5 м. Восточная сторона уходила под стенку раскопа».²⁸

14-й ярус (1238—1268 гг.) (рис. 2.6). Для этого времени Б. А. Колчин приводит информацию, сходную со сведениями о предыдущем ярусе. Незначительно изменились размеры (ширина — 5 м) и местоположение.²⁹

Итак, приведенный материал показывает, что данная серия построек по своей конструкции фактически является уникальной. Иначе говоря, несмотря на неоднократную возобновляемость, в конструктивном отношении сооружение осталось неопознанным (это, прежде всего, касается техники сооружения стен). Это же относится и к ее функциям: исследователи, исходя из ее явно нежилого характера, априорно отнесли ее к категории хозяйственных построек, хотя попытки определения конкретного использования оказывались непродуктивными.³⁰ Вместе с тем неоднократное возобновление данного сооружения, порой даже через определенные временные интервалы, явно свидетельствует о его важном и актуальном на протяжении веков значении для обитателей усадьбы. Думается, что вся совокупность поставленных вопросов может быть одновременно решена лишь при условии признания этой постройки церковью, причем выполненной в непривычной для Новгорода скандинавской строительной технике.

Североевропейская традиция храмового зодчества выработала уникальные типы деревянных церквей, для которых было характерно оформление углов здания с применением массивных, декорированных резьбой «колонн». Стены древнейших храмов Скандинавии состояли из вертикальных, вкопанных в землю расколотых бревен,

²⁴ Колчин Б. А. Топография... С. 86.

²⁵ Засурцев П. И. Усадьбы... С. 93.

²⁶ Колчин Б. А. Топография... С. 91. Рис. 31, 32 (с. 92—94).

²⁷ Засурцев П. И. Усадьбы... С. 93, 98. Рис. 45, 46 (с. 96—97).

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Колчин Б. А. Топография... С. 86.

³⁰ Засурцев П. И. Усадьбы... С. 82.

а в целом конструкция поддерживалась рядами внутренних столбов (Санта Мариа Минор в Лунде, около 1000 г.). Позднее появляются постройки, снабженные нижним брусом и поперечными балками (церковь в Хемзе, Готланд). Более совершенная схема была создана в Норвегии. Для нее характерна рамочная конструкция, которая и забиралась вертикальными плахами, а по углам устанавливались врубленные в нижний брус орнаментированные столбы, призванные обеспечивать как жесткость конструкции стен, так и функцию поддержки крыши (церковь в Хольтолене, около 1100 г.).³¹ Пол в таких постройках не был конструктивно связан со стенами и фактически лежал на грунте. В целом, археологизация построек подобного типа неизбежно должна была давать картину, аналогичную зафиксированной на усадьбе «А». В этой связи обратим внимание на уже упомянутые два слоя пола в постройке 21—22-го ярусов и водосборник. Такие меры были необходимы в связи с поднятием культурного слоя, а соответственно и грунтовых вод на территории усадьбы.

Таким образом, очень похоже, что на данном участке Неревского раскопа мы имеем дело с древнейшей археологически зафиксированной деревянной новгородской церковью, существовавшей с перерывами с конца X до середины XIII в. Церковь впервые была сооружена в 26-м ярусе (989 г.). После длительного перерыва она возобновляется в 22-м ярусе (ко времени которого и относятся «колонны»), погибает от пожара, вновь возводится в 21-м ярусе, существует на протяжении 21—20-го ярусов, что подтверждается двумя слоями напольного пола. В 19—18-м ярусах следует очередной перерыв, церковь появляется в 17-м и 16-м ярусах. Лишь в 14-м и 15-м она приобретает привычный для Новгорода вид сруба. Прекращение ее функционирования связано с пожаром и полной перепланировкой усадеб раскопа.

О том, как мог выглядеть этот храм в один из периодов своего существования, к которому относятся неревские «колонны», на наш взгляд, яркое представление дает церковь в Хемзе на Готланде.³² Последняя датируется также XI в. (рис. 3). Интересно, что размеры обоих храмов приблизительно одинаковы.

И еще одно обстоятельство, очень важное для новгородской истории, относится к усадьбе «А» Неревского раскопа. Оно теснейшим образом связано с изложенной проблемой уникального деревянного новгородского храма и вместе с тем, несомненно, имеет самостоятельное историко-культурное значение. Речь идет о характере использования данного участка в дохристианский период новгородской истории. Вопрос был поставлен уже П. И. Засурцевым. Как писал исследователь, территория несколько южнее будущего перекрестка Великой и Холопией улиц «представляла собой пустырь, по которому проходила дорога, связывавшая северную и южную застроенные территории... Здесь могли собираться жители решать различные дела или устраивать игрища».³³

³¹ Bugge A. The origin, development and decline of the Norwegian staveshurches // Acta Archaeologica. 1935. Vol. 1. Fasc. 1—2. P. 152—156; Kavly G. Norwegian architecture: Past and present. Oslo, 1958. P. 15—16.

³² Ekhoff E. Svenska stavkyrkor. Stockholm, 1914—1916.

³³ Засурцев П. И. Усадьбы... С. 121.

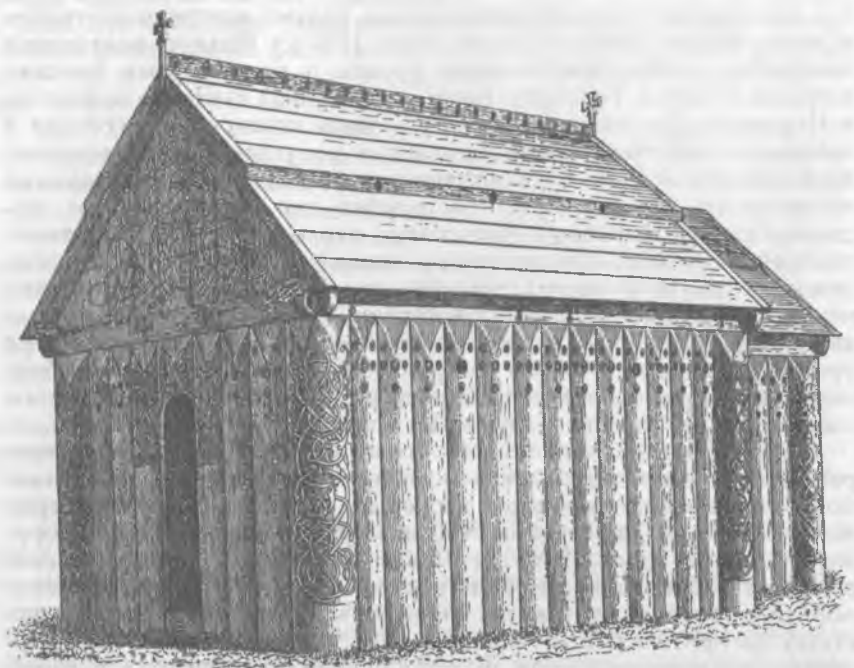

Рис. 3. Церковь в Хемзе (Готланд), реконструкция (по Э. Экхоффу).

С этим местом был связан ряд неординарных находок. Прежде всего, это так называемое жертвоприношение. По описанию В. В. Седова, оно представляло собой «вырытую в материке, круглую в плане яму, на дне, вдоль западной стенки которой полукругом располагались 7 деревянных ковшей, поставленных на ребро. Как бы продолжая полуокружность, образованную ковшами, около южной стенки ямы были вертикально поставлены 2 куска воска, имевшие форму правильных полукругов... Кроме того, два ковша, опрокинутые вверх дном, лежали в середине ямы».³⁴ Подобные чаши известны и в Старой Ладогe. Как указывает О. И. Давидан, они имеют аналогии на территории Скандинавии.³⁵ Это жертвоприношение обычно связывается исследователями с языческой братчиной, совершенной представителями 9 семей, перед поселением на данном месте.

Продолжая тему особого характера данного места, необходимо отметить, что в непосредственной близости от жертвоприношения обнаружен клад арабских дирхемов, состоявший из 60 целых и 811 обломков серебряных монет и сокрытый в конце X в. (младшая да-

³⁴ Седов В. В. Языческая братчина в Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 139—140.

³⁵ Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (Из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9. С. 163.

та — 971/972 г.).³⁶ Стратиграфически клад привязывается В. Л. Яниным непосредственно к событиям 989 г., т. е. к крещению новгородцев.³⁷ Ни в коей мере не оспаривая эту дату, заметим, что причины сокрытия кладов в древности могли иметь не только утилитарный, но и ритуальный характер.³⁸ В этой связи необходимо отметить мнение П. И. Засурцева, который на основании вышеуказанных находок считал, что «это место было памятным, а вероятно, и священным».³⁹

Особое значение для данной темы, как нам представляется, имеет факт, который в новом контексте не может не привлечь внимания. По сообщению П. И. Засурцева, буквально в нескольких метрах от места будущей церкви, в период, предшествующий постройке, *рос огромный дуб*, который, как считает исследователь, был срублен в начале XI в.⁴⁰ На наш взгляд, эта дата является условной, так как отсутствуют объективные критерии датировки. В любом случае дуб предшествовал вышеописанной постройке.

Говоря о местах возведения христианских церквей, исследователи неоднократно отмечали универсальную тенденцию их строительства на местах языческих капищ, причем данные факты не следует оценивать лишь как свидетельства торжества христианства над язычеством, но как связанные с действием более глубоких механизмов функционирования культуры.⁴¹ В подобном контексте наличие здесь дуба, почитаемого славянами как священное дерево грозного громовержца Перуна,⁴² особенно если дуб носил следы удара молнии, вполне правомерно. Попутно заметим, что проблема характера восточнославянских языческих культов в эпоху образования древнерусского государства до сих пор остается спорной. Целый ряд исследователей оспаривал существование антропоморфных идолов у славян вплоть до «языческой реформы» Владимира. Некоторые авторы прямо связывали происхождение древнерусских человекообразных изображений божеств со Скандинавией, другие более осторожно писали в этой связи о верхушке дружинной среды, в составе которой наличие скандинавского элемента является бесспорным.⁴³ Отправление культа Перуна в связи с дубом даже в славяно-скандинавской среде зафиксировано письменными источниками.⁴⁴

В данной статье мы уходим от обсуждения вопроса, где находился идол Перуна, поставленный Добрыней. Сейчас уже очевидно, что объекты, открытые В. В. Седовым в урочище Перынь, вряд ли име-

³⁶ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1956. № 55. С. 181.

³⁷ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (материалы и исследования). М., 1984. Вып. 7. С. 55.

³⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 230—232.

³⁹ Засурцев П. И. Усальбы... С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 88.

⁴¹ Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Избранные труды: В 2-х т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 224—225.

⁴² Ивакин Г. Ю. Священный дуб Перуна // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 124—136.

⁴³ Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 100—101; Рерих Н. К. Радость искусству // Книга первая. М., 1914. С. 131.

⁴⁴ Константин Барягнородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 49.

ют отношение к этой теме.⁴⁵ Исследователи неоднократно и ранее высказывались в пользу иной локализации идолов. В. Л. Янин отдает предпочтение Славнинскому холму на территории Новгорода, где впоследствии была построена церковь Ильи-пророка.⁴⁶ Возможность нахождения других святилищ, в том числе Перуна, в черте современного города допускал и Б. А. Рыбаков.⁴⁷ Конечно, было бы весьма заманчиво связать место идола с данным участком Неревского раскопа, исходя из того, что в настоящее время это единственное достоверно известное культовое место на территории Новгорода. Однако прямые доказательства этого вряд ли могут быть получены.

Таким образом, проведенное исследование позволяет с достаточной уверенностью говорить о существовании на территории Неревского конца Новгорода в древнейший период ее освоения некоего сакрального языческого объекта. После принятия христианства на этом месте была возведена деревянная церковь, выполненная в скандинавской строительной технике, замененной обычной для Северной Руси срубной, вероятно, лишь в XIII в. В числе прочих выводов из вышеизложенного обратим внимание на уже попавший в поле зрения исследователей факт, что некоторые элементы древнерусской культуры, связанные по происхождению со Скандинавией, бытуют на Руси гораздо более длительное время, чем это представлялось ранее.⁴⁸

⁴⁵ Концевий В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб.: Псков, 1995. С. 80—85; Клейн Л. С. О древнерусских языческих святилищах // Там же. С. 71—73.

⁴⁶ Янин В. Л. Таинственное средневековье // У древних стен. у Ильмень-озера. М., 1980. С. 553.

⁴⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 269.

⁴⁸ Мельникова Е. А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17—20.